

Хусаинов О.Б.¹, Мухамеджан М.Н.¹

¹ доцент юридических наук, преподаватель, института Сорбонна-Казахстан, КазНПУ им. Абая

¹ магистрант 1 курса, института Сорбонна-Казахстан, КазНПУ им. Абая

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ВООРУЖЁННЫХ КОНФЛИКТОВ: ПРАВОВОЕ СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА И МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В ОБЛАСТИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Аннотация

В данной статье рассматривается соотношение и взаимосвязь между международным гуманитарным правом и международным правом в области прав человека в условиях вооружённых конфликтов. Анализируются различия между двумя правовыми системами в плане сферы применения, содержания и целей, а также исследуется вопрос пересечения норм на основе принципа *lex specialis*. Особое внимание уделяется судебной практике международных и региональных судов, таких как Европейский суд по правам человека и Международный уголовный суд. Также рассматриваются механизмы защиты прав человека в чрезвычайных ситуациях и роль международных организаций (ООН, МККК и др.). В статье поднимаются актуальные вопросы защиты ключевых прав человека во время вооружённых конфликтов, таких как право на жизнь, запрет пыток и доступ к справедливому судебному разбирательству. Исследование завершается рекомендациями, направленными на повышение эффективности правового регулирования в условиях вооружённых конфликтов.

Ключевые слова: международное гуманитарное право, права человека, вооружённые конфликты, Женевские конвенции, Европейский суд по правам человека.

О.Б. Хусаинов¹, М.Н. Мухамеджан¹

¹ құқық ғылымның доценті, оқытушы, Сорбонна-Қазақстан институты, Абай атындағы ҚазҰПУ

¹ 1 курс магистратура білім алушысы, Сорбонна-Қазақстан институты, Абай атындағы ҚазҰПУ

ҚАРУЛЫ ҚАҚТЫҒЫСТАРДАҒЫ АДАМ ҚҰҚЫҚТАРЫ: ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ГУМАНИТАРЛЫҚ ҚҰҚЫҚ ПЕН ХАЛЫҚАРАЛЫҚ АДАМ ҚҰҚЫҚТАРЫНЫҢ, ҚҰҚЫҚТЫҚ АРАҚАТЫНАСЫ

Аңдатпа

Бұл мақалада қарулы қақтығыстар жағдайында халықаралық гуманитарлық құқық пен халықаралық адам құқықтарының өзара байланысы мен арақатынасы қарастырылады. Екі құқықтық жүйенің қолданылу аясы, мазмұны мен мақсаттарындағы айырмашылықтар талданып, *lex specialis* қағидасы аясында нормалардың қиылысу мәселелері зерттеледі. Адам құқықтары мен гуманитарлық құқық нормаларының халықаралық және өңірлік соттар тәжірибесіндегі көріністеріне, атап айтқанда Адам құқықтары жөніндегі Еуропалық сот пен Халықаралық қылмыстық соттың практикасына назар аударылады. Сондай-ақ төтенше жағдайлар кезінде адам құқықтарын қорғау тетіктері мен халықаралық ұйымдардың (БҰҰ, ХҚКК және басқалар) рөлі талқыланады. Мақалада қарулы қақтығыстар кезінде адамның өмір сүру құқығы, азаптауға тыйым салу және әділ сот талқылауына қол жеткізу құқығы сынды негізгі құқықтардың қорғалуы өзекті мәселе ретінде қаралады. Бұл зерттеу қарулы

қақтығыстар жағдайындағы құқықтық реттеудің тиімділігін арттыруға бағытталған ұсыныстармен аяқталады.

Түйінді сөздер: халықаралық гуманитарлық құқық, адам құқықтары, қарулы қақтығыстар, Женева конвенциялары, Адам құқықтары жөніндегі Еуропалық сот.

Khussainov O.B.¹, Mukhamedzhan M.N.¹

¹Associate Professor of Law, Lecturer, Sorbonne-Kazakhstan Institute, Abai Kazakh National Pedagogical University

¹1st-year Master's student, Sorbonne-Kazakhstan Institute, Abai Kazakh National Pedagogical University

HUMAN RIGHTS IN ARMED CONFLICTS: THE LEGAL RELATIONSHIP BETWEEN INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW AND INTERNATIONAL HUMAN RIGHTS LAW

Abstract

This article explores the relationship and interaction between international humanitarian law and international human rights law in the context of armed conflicts. It analyzes the differences in their scope, content, and objectives, and examines the intersection of legal norms through the lens of the *lex specialis* principle. Particular attention is paid to the jurisprudence of international and regional courts, including the European Court of Human Rights and the International Criminal Court. The article also discusses mechanisms for protecting human rights during states of emergency and the role of international organizations (such as the UN, ICRC, and others). The paper highlights key human rights issues during armed conflicts, including the right to life, the prohibition of torture, and access to fair trial guarantees. The study concludes with recommendations aimed at improving the effectiveness of legal regulation in times of armed conflict.

Keywords: international humanitarian law, human rights, armed conflicts, Geneva Conventions, European Court of Human Rights.

Современная международная правовая система основывается на принципе верховенства прав человека и гуманизма, вне зависимости от политической, военной или социальной ситуации. Тем не менее, в условиях вооружённых конфликтов обеспечение и соблюдение прав человека сталкивается с серьёзными вызовами. Такие конфликты, будь то международные или немеждународные, сопровождаются массовыми нарушениями прав — от произвольных лишений жизни до пыток, сексуального насилия, депортаций и разрушения гражданской инфраструктуры. В этой связи возникает фундаментальный вопрос: какие международные правовые режимы должны применяться в условиях войны и нестабильности, и как соотносятся между собой нормы международного гуманитарного права (МГП) и международного права прав человека (МППЧ)?

Международное гуманитарное право и международное право прав человека — две автономные, но во многом пересекающиеся правовые системы. Первая, развившаяся на основе Женевских и Гагских конвенций, нацелена на регулирование вооружённого конфликта, защищая лиц, не принимающих участия в боевых действиях, и ограничивая средства и методы ведения войны. Вторая же система — более универсальна: она закрепляет неотъемлемые права каждого человека независимо от контекста и предназначена для постоянного действия,

включая периоды вооружённых конфликтов, хотя и допускает возможность временных ограничений некоторых прав при чрезвычайных обстоятельствах.

На стыке этих двух систем встает доктрина *lex specialis*, означающая, что в случае конфликта норм приоритет должен иметь специальный правовой режим. В контексте вооружённого конфликта таковым считается именно международное гуманитарное право. Оно содержит специальные нормы, разработанные с учётом реалий войны и направленные на минимизацию страданий. Однако применение этой доктрины на практике вызывает множество дискуссий, особенно в отношении таких прав, как право на жизнь, запрет на пытки и свобода от произвольного задержания. Судебная практика, в частности, Европейского суда по правам человека, демонстрирует попытки согласовать положения МППЧ с МГП, не исключая первое, но адаптируя его интерпретацию в соответствии с контекстом конфликта.

История последних десятилетий показала, что универсализация прав человека не может быть полной без учёта условий, в которых эти права реализуются. Афганистан, Сирия, Украина, Судан — эти и другие примеры наглядно демонстрируют, что защита прав человека в вооружённых конфликтах требует гибкости, согласованности норм и эффективных международных механизмов их реализации. Поэтому исследование взаимодействия и конкуренции между МГП и МППЧ — не только теоретический интерес, но и практическая необходимость для юристов, дипломатов, гуманитарных работников и политиков.

Настоящая статья направлена на всестороннее изучение соотношения норм международного гуманитарного права и международного права прав человека, с особым акцентом на механизмы разрешения коллизий, роли международных организаций и актуальные вызовы их реализации. Анализируется как доктринальный подход к применимости этих систем, так и конкретные кейсы из международной практики. Особое внимание уделяется проблеме обеспечения прав человека в зонах нестабильности, что актуально в свете растущего числа гибридных и затяжных конфликтов в современном мире.

Международное гуманитарное право (МГП) представляет собой совокупность норм, регулирующих поведение сторон в вооружённых конфликтах, с целью ограничения их разрушительных последствий. Оно охраняет лиц, не участвующих или прекративших участие в военных действиях (например, гражданское население, раненые и больные бойцы, военнопленные), и накладывает ограничения на средства и методы ведения боевых действий [1].

Ключевыми источниками МГП являются Женевские конвенции 1949 года и два Дополнительных протокола 1977 года [2]. Также существуют нормы обычного международного гуманитарного права, зафиксированные и систематизированные Международным Комитетом Красного Креста (МККК) [3].

В отличие от МГП, международное право прав человека (МППЧ) применяется в мирное время, но также остаётся релевантным в условиях чрезвычайного положения и вооружённого конфликта. Оно защищает широкий спектр прав и свобод, закреплённых во Всеобщей декларации прав человека (1948), Международных пактах 1966 года и региональных актах, таких как Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (1950) [4].

Таким образом, обе отрасли имеют разные цели: МППЧ — защита прав личности при любом режиме, МГП — смягчение последствий войны. Их параллельное применение возможно, но требует тонкого правового баланса.

Принцип *lex specialis derogat legi generali* означает, что в случае конфликта норм приоритет имеет специальная норма перед общей [5]. В условиях вооружённого конфликта

таковой специальной нормой признаются положения МГП, поскольку они специально разработаны для этой ситуации.

Международный суд ООН в консультативном заключении по легальности угрозы или применения ядерного оружия в 1996 году указал, что право на жизнь из МППЧ не исключает применения силы в условиях конфликта, но условия правомерности определяются МГП[6].

Однако судебная практика демонстрирует наличие параллельного применения обеих систем. Так, в деле *Al-Skeini v. United Kingdom* Европейский суд по правам человека признал ответственность Великобритании за нарушения прав человека в зоне конфликта вне её территории, подтвердив экстерриториальное действие МППЧ[7].

Таким образом, *lex specialis* не исключает применение МППЧ, но направляет его интерпретацию.

МППЧ допускает возможность временного отступления от некоторых прав в условиях чрезвычайного положения (статья 4 МППЧ), однако такие отступления должны быть необходимыми, пропорциональными и не касаться абсолютных прав, таких как запрет пыток или рабства[8].

МГП, напротив, не предусматривает отступлений — его нормы применяются безусловно во всех вооружённых конфликтах[9].

На практике это приводит к необходимости взаимной адаптации. Например, в случае захвата комбатантов, МГП регулирует их статус как военнопленных, а МППЧ продолжает действовать в части защиты от жестокого обращения и прав на справедливое судебное разбирательство[10].

К числу ключевых проблем можно отнести:

- отсутствие универсального механизма мониторинга и исполнения МГП;
- сложности с признанием статуса конфликта (международный/немеждународный);
- правовая неопределенность в случаях конфликта норм;
- ограниченность юрисдикции МППЧ в зонах боевых действий[11].

Особые сложности возникают при участии негосударственных вооружённых формирований, которые не связаны международными договорами, но на практике должны соблюдать МГП[12].

5. Роль международных организаций

- МККК — основной гарант Женевских конвенций. Проводит мониторинг, гуманитарные миссии и обучение[13].
- УВКПЧ — осуществляет надзор за соблюдением МППЧ в зонах конфликтов, публикует отчёты и оказывает техническую помощь[14].
- ЕСПЧ, СПЧ ООН, МУС — осуществляют правовую защиту, возбуждают дела, дают обязательные решения, санкции и рекомендации[15].

Международное гуманитарное право (МГП) и международное право прав человека (МППЧ) представляют собой две ключевые и взаимодополняющие правовые системы, каждая из которых выполняет свою уникальную функцию в обеспечении достоинства, защиты и справедливости в жизни индивида. Их соотношение особенно важно в условиях вооружённых конфликтов, когда риск нарушения прав человека достигает максимального уровня, а правовые механизмы испытываются на прочность.

МГП разрабатывалось с целью гуманизации войны — насколько это вообще возможно — и призвано защищать тех, кто не участвует или перестал участвовать в боевых действиях. Оно ограничивает средства и методы ведения войны, запрещает нападения на гражданское

население, требует гуманного обращения с пленными и ранеными. МППЧ, в свою очередь, устанавливает универсальные и абсолютные права, которые должны соблюдаться государствами как в мирное время, так и в период чрезвычайных ситуаций, включая конфликты. Несмотря на возможность временного ограничения ряда прав, существуют принципы и нормы, отступление от которых недопустимо ни при каких обстоятельствах — к примеру, запрет на пытки, рабство, геноцид.

Одной из центральных доктрин, применяемых при взаимодействии этих двух систем, является *lex specialis*, согласно которой нормы МПП, как специальные по отношению к ситуации конфликта, имеют приоритет в случаях коллизий. Однако современная практика международных и региональных судов (например, Европейского суда по правам человека и Межамериканского суда по правам человека) демонстрирует, что даже при наличии *lex specialis*, права человека не утрачивают своей силы, а лишь интерпретируются с учетом гуманитарного контекста. Таким образом, наблюдается движение в сторону гармонизации обеих систем, а не их взаимоисключения.

Серьезными вызовами остаются вопросы применимости к негосударственным субъектам, эффективность мониторинга и подотчетности, слабость механизмов правоприменения в зонах активных боевых действий, а также ограниченность международной юрисдикции. Тем не менее, усилия таких институтов, как Международный комитет Красного Креста, Организация Объединённых Наций, региональные суды по правам человека, играют важнейшую роль в формировании прецедентов, разработке новых стандартов и координации гуманитарных действий.

В условиях нарастающих гибридных и затяжных конфликтов, размытых границ между миром и войной, необходимо не противопоставлять МПП и МППЧ, а выработать интегративный подход, обеспечивающий максимальную защиту человеческой личности независимо от статуса и ситуации. Это особенно важно в современном мире, где военные действия всё чаще происходят в густонаселённых районах, с участием негосударственных акторов и в условиях информационной войны.

Таким образом, наука и практика международного права стоят перед задачей дальнейшего совершенствования механизмов взаимодействия гуманитарного и правозащитного порядков, развития универсальных стандартов и внедрения многоуровневого контроля. Только комплексный, координированный и основанный на ценности человека подход может обеспечить подлинную защиту прав и свобод в условиях вооружённых конфликтов.

Список использованной литературы:

1. *Сассоли М. Международное гуманитарное право: нормы, споры и решения проблем, возникающих в ходе вооружённых конфликтов.* — Edward Elgar Publishing, 2019.
<https://www.elgaronline.com/abstract/book/9781800886919/9781800886919.xml>
2. *Кланхэм А. Обязанности негосударственных акторов в сфере прав человека.* — Oxford University Press, 2006.
<https://global.oup.com/academic/product/human-rights-obligations-of-non-state-actors-9780199206697>
3. *Хэмпсон Ф. Соотношение международного гуманитарного права и международного права прав человека // Международный обзор Красного Креста, № 871, 2008.*
<https://www.icrc.org/en/international-review/article/relationship-between-ihl-and-ihrl>

4. МККК. Обычное международное гуманитарное право. Том I. Правила / Под ред. Ж.-М . Хенкертса и Л. Досвальда-Бека. — Cambridge University Press, 2005. <https://www.icrc.org/en/publication/customary-international-humanitarian-law-volume-1-rules>
5. УВКПЧ ООН. Международная правовая защита прав человека в условиях вооружённых конфликтов. — Женева: Управление Верховного комиссара ООН по правам человека, 2011. <https://www.ohchr.org/en/publications/policy-and-methodological-publications/international-legal-protection-human-rights>
6. Резолюция Совета Безопасности ООН № 2462 (2019). [https://undocs.org/S/RES/2462\(2019\)](https://undocs.org/S/RES/2462(2019))